

После бесед с людьми, пострадавшими в результате несчастных случаев, Проныра начал выявлять закономерность, которая ему совсем не нравилась. Со времен Пашель Трендан и Джейка Симпсона он беседовал со многими жертвами несчастных случаев и опубликовал многие из их рассказов, особенно когда чувствовал, что к ним есть интерес людей.

Однако некоторую информацию о том, как именно произошли эти несчастные случаи, он намеренно скрыл. Он не думал, что это его дело — добавлять оскорбление к травме — в самом точном и буквальном смысле этой фразы - когда кто-то оправлялся от ущерба, который можно было расценить как причиненный простой глупостью. А многое было именно так. Даже если бы он все так не назвал, те, кто комментирует статью, наверняка сделали бы это. Он мог модерировать комментарии, размещенные к его статье, но он мало что мог сделать с тем, что люди предпочитали говорить в своих лентах, и поэтому он избегал упоминания более... сомнительных решений жертв.

Кроме того, в этих решениях было что-то такое. Казалось, у них у всех было что-то общее.

Проныра решил, что нужно найти закономерность, а затем посмотреть, сможет ли он подтвердить то, что начал подозревать. После этого он мог сообщить о своих подозрениях соответствующим властям... Что бы это ни было.

Именно в погоне за этой более широкой схемой, а также за потенциально трогательной новостью Проныра отправился на свое следующее интервью. Это интервью было как раз связано с одной из его работ курьером. Жертва несчастного случая выздоравливала дома, а Проныра приносил медикаменты, в том числе несколько нанотехнологичных обезболивающих.

Он немного знал семью Яззи. Как и в случае с Джейком Симпсоном, старшая дочь была известной спортсменкой, специализировавшейся на танцах и гимнастике, а не на командных видах спорта. Как и Джейк, несчастный случай с Элдорой Яззи казался крайне маловероятным для любого, кто следил за ее карьерой. Предлогом для разговора с ней Проныры было то, что он хотел написать статью о том, когда состоится ее следующее выступление, но его целью было получить некоторую информацию о том, как именно она так сильно пострадала.

Семья Элдоры была относительно новыми колонистами, но оба родителя обладали специальностями, в которых нуждался Сфинкс, и их активно привлекали за их навыки. Ее отец был инженером-биомехаником, специализировавшимся на протезных устройствах, но с обширным опытом, который подходил для широкого спектра нужд, а опыт ее мамы в области информационных технологий - особенно биомеханических систем управления - сделал их невероятно эффективной командой, так что дела у них шли очень хорошо.

Когда он позвонил, последовала пауза, затем дверь открыла Олифф Яззи. Это была высокая, стройная женщина с прямыми темными волосами, коротко подстриженными прямо у линии подбородка. На многих женщинах такая прическа смотрелась бы ужасно, но на Олифф она смотрелась фантастически.

“Извините”, - сказал Проныра. “Думаю, я немного рановато. В кои-то веки аптека открылась раньше”.

Олифф тепло улыбнулась. Вытерев руки о фартук, она жестом пригласила его войти. “Спасибо, что привезли обезболивающие и оборудование для лечения легких. Пирни на собрании за пределами планеты, а мне не нравится оставлять Элдору с одними малышами. Они хорошие ребята, но они дети... Они забывают, что за их старшей сестрой нужно присматривать. Обычно все наоборот”.

Олифф сделала движение, как будто хотела забрать у него контейнер, но Проныра удержал его.

“Его неудобно нести. Может, я отнесу его на кухню? Содержимое следует хранить в прохладном месте с регулируемой температурой”.

“Кухня подойдет”, - сказала Олифф, поворачиваясь и направляясь вперед. “Простите за беспорядок. Я пекла. Я нахожу, что ничто так не помогает мне отвлечься, как работа руками, когда я застреваю на каком-нибудь проекте. К счастью, дети никогда не устают от печенья”.

“Оно потрясающе пахнет”, - честно признался Проныра. Он надеялся, что Олифф не приняла это за намек, но было бы грубее не комментировать. “Как дела у Элдоры?”

“Честно говоря, не так хорошо, как я надеялась”.

Проныра поставил термосумку на стойку, и Олифф начала распаковывать ее, даже не глядя, что делает.

“У нее все еще проблемы с дыханием. Ее легкие были повреждены при падении, потому что несколько ребер сломались. Хирурги говорят, что извлекли все фрагменты, но повреждение легких может быть серьезным при высокой гравитации. Моральный дух Элдоры невысок. Ей никогда не нравилось жить на планете с высокой гравитацией, потому что ей нужно использовать антигравитационное устройство. Теперь, когда пользоваться им нужно не просто для облегчения передвижения, но и по медицинским показаниям, она стала решительно мрачной.”

“Вы уверены, что Элдора хочет меня видеть?” Спросил Проныра, но он достаточно хорошо разбирался в людях, чтобы понять, что Олифф — если не Элдора — с нетерпением ждала его визита.

“Безусловно! Вы хотите взять у нее интервью о танцах, а это ее любимая тема — та, о которой, если быть честным, говорят все остальные. Вы окажете ей больше, чем просто услугу. Она на веранде. Позвольте мне показать вам дорогу.”

\* \* \*

Элдора выглядела не особенно взволнованной, когда Олифф объявила о прибытии Проныры. Она была потрясающе красивой молодой девушкой с волосами цвета влажных чернил и длинными темными миндалевидными глазами. Полулежа на кушетке, заваленной подушками, она больше походила на изображение инвалида, нарисованное художником, чем на настоящего инвалида: слегка надутые губы, полуприкрытые глаза, чтобы был виден изгиб ресниц.

Пока они обменивались обычными приветствиями, Проныра просматривал свой мысленный словарь в поисках подходящего слова, чтобы описать состояние Элдоры: Скучающая? Апатичная? Безразличная? Он решил, что “бесстрастная” подходит лучше всего.

У него возникло смутное ощущение, что Элдора ждала визитера, и, хотя она не была недовольна появлением Проныры, ее бесстрастность, по крайней мере частично, должна была скрыть, что он был не тем человеком, которого она надеялась увидеть. Проныра попытался вспомнить, кто были ее друзья, и с удивлением понял, что не может вспомнить ни одного из них. В танцах, которые она исполняла, определенно были командные элементы, но с самого начала Элдора хотела быть солисткой. Были ли у нее романтические интересы? Было что-то в том, как она так тщательно выставляла себя напоказ, что заставило его задуматься, ожидала

ли Элдора появления возлюбленного. Если так, то Олифф была не в курсе. Она явно ожидала, что приезд Проныры будет приятным сюрпризом.

Проныра устроился на стуле рядом с кушеткой и включил свое обаяние. "Как у тебя дела, Элдора?"

"Это "для протокола"?" - съязвила она, пытаясь сделать вид, что шутит, но безуспешно.

Олифф уже была на пути в кухню, но теперь остановилась и напряглась. "Элдора!"

Проныра отмахнулся от протеста Олифф взмахом руки. "Не беспокойтесь. Все в порядке". Он улыбнулся Элдоре, едва заметно подмигнув ей. "Все, что ты скажешь, будет не для протокола, если ты сама этого не захочешь. В противном случае, я здесь просто для того, чтобы поговорить о танцах".

Возможно, смущенная реакцией Олифф на ее поведение, Элдора изобразила почти убедительную улыбку. "Спасибо. Это мило с вашей стороны. Сидеть в одиночестве быстро надоедает."

Олифф продолжила свое отступление. "Меня ждет печенье в духовке. Извините меня".

Когда ее шаги удалились, слегка постукивая по деревянному полу, Элдора театрально закатила глаза.

"Печенье в духовке!" - передразнила она. "Клянусь! Иногда культура на этой планете настолько отстала, что мне хочется просто закричать. Как будто мы все должны забыть, что живем в эпоху космических путешествий, и вместо этого играть в счастливых первопроходцев. Мой папа занимается резьбой по дереву, если вы можете в это поверить, стальным ножом и всем прочим. И он инженер-биомеханик! Он, вероятно, мог бы выращивать резьбу по дереву, если бы захотел."

"Значит, тебе не нравится жить на Сфинксе?"

"Не для протокола?"

"Конечно".

"Я его ненавижу." То, как она произнесла эти три слова, не оставляло сомнений в том, что она имела в виду именно их. "Там, на Туле, я занималась танцами и театром практически с тех пор, как научилась ходить. Я занималась балетом до двенадцати лет. Затем я решила, что более сильный акцент на театре и танцах подходит мне больше. Затем, как раз когда я приближалась к тому возрасту, когда передо мной открывались действительно хорошие роли инженеру, мои родители перевезли меня на планету, где я все время чувствую себя булыжником".

"Здесь есть антигравитационные устройства", - мягко сказал Проныра, указывая на то, что было на нем, учитывая, что еще одно облегло изящную талию Элдоры.

"Это не то же самое. Даже если я настрою его на нормальную гравитацию для Туле, я буду знать, что это обман. В любом случае, даже если бы мне удалось не упускать тренировки, какое это имело бы значение? Честно говоря, все на Сфинксе - это низшая лига. Даже Мантикора - низшая лига. Знаешь, на что я надеюсь?"

"На что?"

“Я надеюсь, что этот несчастный случай даст мне повод вернуться домой. Планеты с высокой гравитацией и поврежденные легкие - не лучшее сочетание. В любом случае, мне девятнадцать. По закону я могла бы сбежать год назад, но мои родители не хотят платить за билет, а работа, которую я могла бы получить здесь, не даст мне денег на билет домой”.

Она замолчала, отчаяние отразилось в каждой черточке ее лица. Впервые она выглядела по-настоящему больной.

Проныра задал вопрос, на который он уже знал ответ. “Твоя семья сколько уже здесь? Два стандартных года?”

“Два стандартных года, семь месяцев”.

“Ты хотела иммигрировать?”

“Не особо, но у меня точно не было выбора. Родители.”

Последнее слово содержало то, в чем, как Проныра был уверен, было множество аргументов, компромиссов и многого другого. Он не спросил, чувствуют ли братья и сестры Элдоры то же, что и она. Он знал, что это не так. Их было двое, брат и сестра, оба младшие. Оба участвовали в различных общественных мероприятиях, включая спорт. Несомненно, их адаптация к Сфинксу и его бесчисленным трудностям только усугубила собственное положение Элдоры.

Проныра ловко перевел разговор на танец. После нескольких вопросов, которые продемонстрировали, что Проныра видел ее выступления и что он потрудился узнать что-нибудь о ее искусстве, Элдора удивительно расслабилась, и даже стало интересно брать интервью. Несколько раз Проныра пытался расспросить ее о том, как именно ей удалось так серьезно упасть, но каждый раз Элдора уклонялась от ответа.

Самое близкое к тому, чтобы сказать что-то существенное, было легкомысленное: “О, я была так захвачена эйфорией, музыкой, воспоминаниями, что забыла, что нахожусь здесь, в Стране Свинцовых ног. Я, конечно, не могу забыть об этом сейчас — как бы мне этого ни хотелось”.

К тому времени, как появилась Олифф с тарелкой только что вынутого из духовки овсяного печенья с изюмом и чайником чая улун, Проныра рассмешил Элдору. Но от него не ускользнуло, как ее взгляд то и дело устремлялся туда, где сразу можно было увидеть приближающийся аэрокар, опускающийся в поместье Яззи, и ему стало интересно, кого она ждала — и почему Олифф, казалось, понятия не имела, что Элдора ожидает гостя.

\* \* \*

“Я бы предпочла, - сказала Стефани Львиному Сердцу, разрезая толстую, с хрустящей корочкой буханку хлеба на закваске с такой силой, что порезала разделочную доску, - сразиться с гексапумой, вооруженной только этим хлебным ножом, чем вести 'беседу об отношениях' с Джессикой”.

“Блик”, - любезно ответил Львиное Сердце, развалившись на одной из специально отведенных для этого кошачьих платформ, установленных вокруг кухни Харрингтонов. В самом начале пребывания в резиденции древесного кота Марджори настаивала на том, что независимо от того, как сильно она любила Львиное Сердце и была благодарна ему за спасение жизни Стефани, она не собиралась все, что она ела, щедро приправлять серо-белым пухом. Причем длинным серо-белым пухом.

Стефани знала, что Львиное Сердце не понимает, что она говорит, но с кем еще она могла поговорить? Ее мама и папа были замечательными, но что, если они просто прочитали бы ей одну из тех лекций “Тебе действительно нужно научиться справляться с межличностными отношениями, дорогая”? Или, что еще хуже, намекнули, что проблема Стефани в том, что она на самом деле еще не забыла Андерса? В конце концов, он бросил ее всего несколько недель назад...

Астрономически неловко.

Когда аэрокар Джессики начал снижаться, у Стефани случился момент паники, во время которого она подумала о том, чтобы запереть все двери и притвориться, что ее нет дома. Конечно, это не сработало бы, потому что Храбрец и Львиное Сердце прекрасно знали бы друг о друге. Они могли бы даже подумать, что Стефани приглашает их поиграть в какую-нибудь игру в прятки. Это было бы супер-отстойно. И было бы супер несправедливо по отношению к Джессике, которая казалась такой счастливой, что у нее было время пообщаться со Стефани.

Итак, Стефани расправила плечи и собралась, когда Джессика для проформы постучала в кухонную дверь и вошла. Храбрец проскользнул внутрь раньше своего человека, подмигнул Стефани, а затем вскочил на платформу, примыкающую к Львиному Сердцу. Затем два древесных кота сели, прямые и высокие, почти одинаковые, за исключением шрамов Львиного Сердца и большего количества колец на хвосте Храбреца, две пары зеленых глаз сосредоточились на стеблях сельдерея, которые Стефани приготовила заранее и поставила в стеклянную вазу, как своеобразный букет.

Джессика быстро и восторженно обняла Стефани, затем порылась в своей сумке и вытащила большую бутылку, наполненную какой-то ярко-розовой жидкостью. “Мама прислала партию своей последней чайной смеси. Ты бы и не подумала, что шиповник и мята будут хорошо сочетаться, нужно только добавить небольшое количество меда, чтобы уменьшить остроту, это здорово.”

“Поставишь кувшин?” Спросила Стефани, одарив ее одобрительной улыбкой. “Я закончу приготовление. Здесь есть все необходимое для бутербродов. Мне только нужно достать приправы и гарниры. Мама сказала, что не будет возражать, если мы съедим все. Она забирает последний заказ из магазина на обратном пути от Айзенбергов.”

Джессика поспешила туда, где на полке был выставлен один из глиняных кувшинов Ирины Кисаевой. “Вообще-то, на этот раз я могу устроить тебе честную конкуренцию. Я захватила диетический батончик перед утренним занятием по физиологии. После у меня были вопросы к учителю, так что я чуть не опоздала на свою смену в больнице — там было настоящее безумие, — а потом я нырнула в аэрокар и прилетела прямо сюда. Арчи, должно быть, нашел мой тайный запас перекусов на случай непредвиденных обстоятельств, так что я серьезно проголодалась.”

“Угощайся,” - сказала Стефани, ставя корзиночку с картофельными чипсами со льдом и сливочно-укропным соусом так, чтобы они с Джессикой могли до них дотянуться.

Затем она достала отдельные миски с фруктовым салатом и тарелку с двойными плотными шоколадными кексами. Джессика налила им обоим чаю, и на короткое время воцарилась тишина, пока они готовили сэндвичи. Стефани сосредоточилась на том, чтобы поочередно выкладывать ломтики жареной местной говядины, острого “лунного” сыра (названного так потому, что он был ярко-зеленого цвета и имел отверстия, похожие на кратеры) и рукколу между толстыми ломтями хлеба на закваске, пока сэндвич не стал достойным конкурентом

"Дагвудам" в кафе "Красная Буква". Она откусила первый кусочек и вздохнула от удовольствия, главным образом потому, что, пока ее рот был полон, от нее нельзя было ожидать, что она заговорит.

До сих пор два древесных кота смотрели терпеливо, но когда Стефани откусила второй кусок, Львиное Сердце мяукнул, затем встал на задние лапы, согнул свою единственную верхнюю истинную руку и обе нижние руки в подражании милому жесту, который он подглядел у миниатюрного пуделя, когда она и Карл расклеивали листовки в популярной закускойной в Явата Кроссинг. Стефани подозревала, что Львиное Сердце знал, что она находит эту позу совершенно тошнотворной, и делал это нарочно, потому что она не замечала его и Храбреца.

"Вопрос в том, - сказала она Джессике, которая безудержно хихикала при виде этого зрелища, - вознаграждать ли раздражающее поведение? Что мне делать, если Львиное Сердце попытается сделать это публично? У нас и так достаточно проблем с убеждением людей, что древесные коты могут быть пушистыми, но они не созданы для того, чтобы быть домашними животными, и без такого поведения. Представь, если бы Проньера Джонс получил голограмму этого? Мы были бы обречены!"

"Я готова поспорить на свою долю от всех будущих кексов, - сказала Джессика, протягивая каждому из древесных котов по стеблю сельдерея из вазы, - что Львиное Сердце никогда не сделает этого на публике, тем более что он должен знать, что это тебя раздражает. Он дергает тебя за поводок, потому что ты игнорируешь его и его гостя. И, эй, ты выглядишь серьезно рассеянной. Что-то не так? Возникли проблемы с набором новобранцев для Исследователей СЛС? Должна ли я спросить Мелани-Энн, кого еще ты могла бы пригласить?"

Вот оно: ее открытие — и ее выход. Стефани колебалась, затем решила, что если она может встретиться лицом к лицу с браконьером, гексапумой, лесными пожарами и грабителями, то наверняка сможет честно поговорить со своей лучшей подругой.

"Э-э-ммм". Красноречиво, Стеф. Действительно, в самом деле красноречиво. "Итак, как ты относишься к возвращению Андерса в Урако?"

Джессика очень вдумчиво откусила несколько кусочков от своего сэндвича, затем несколько чипсов. Она молчала так долго, что Стефани доела свой первый сэндвич и начала готовить второй. Она раздумывала, стоит ли ей извиниться за то, что затронула эту тему, когда Джессика заговорила.

"Честно? Я размышляла над этим. Я имею в виду, я знала, что он не останется здесь, на Сфинксе, навсегда. Не говори ему этого, но одна из причин, по которой я была согласна встречаться с ним — потому что, я имею в виду, мы стали близки, когда ты была на Мантикоре, и я хотела выяснить, было ли это только потому, что ты была на Мантикоре — потому что я знала, что есть естественная точка расставания. Я жила во многих местах, и знание того, что ты собираешься двигаться дальше, облегчает попытку завязать отношения."

"Не усложняет?" Выпала Стефани, искренне заинтересованная.

Даже там, на Мейердале, у нее было не так много друзей ее возраста. Она все еще пыталась понять, что нормально, а что нет. Она проверила, как бы она себя чувствовала, если бы Бадди Ферисс объявил, что его семья собирается снова переехать, и почувствовала острую боль утраты.

Но Джессика не может уехать, подумала Стефани, из-за Храбреца. И часть этого разговора заключается в том, чтобы выяснить, осознает ли она это.

Хрустнув еще одним чипсом, Джессика продолжила. "Не усложняет, на самом деле, нет, если только кто-то не станет по-настоящему близким другом. Как ты, я имею в виду. Я бы чувствовала себя хуже, покидая Сфинкс, чем какое-нибудь другое место, с тех пор как мне исполнилось пять лет и мне пришлось расстаться со своей лучшей подругой из детского сада".

"Значит, ты согласилась встречаться с Андерсом, потому что знала, что произойдет естественный разрыв?" Стефани должна была убедиться, что она поняла. Когда она влюбилась в Андерса, она думала, что это он, единственный, настоящий, прямо как в тех сериалах, которые заканчиваются драматическим признанием в любви и никогда не вдаются в подробности ипотеки, подгузников или чего-то еще.

"Вроде того", - сказала Джессика. "Ты, наверное, этого не знаешь, но Андерс начал рассказывать о своих чувствах сразу после того, как мы вместе пережили действительно ужасный опыт. Внезапно он начал лепетать о желании защитить меня и все такое... Это было мило. Это также напрягало. И у меня были свои собственные откровения, и, честно говоря, они не имели никакого отношения к Андерсу".

"Именно тогда ты решила стать врачом", - сказала Стефани. Трудно было поверить, как мало времени на самом деле прошло. Решение Джессики было настолько естественным, что казалось, будто она объявила об этом при их первой встрече.

Но, с другой стороны, мы ведь не так уж долго дружили, правда? Только на вечеринке в честь моего пятнадцатилетия я поняла, что Джессика не такая уж и зануда. И мне исполнится шестнадцать только через несколько стандартных недель.

Стефани высказала свою следующую мысль вслух, на самом деле не задумываясь. "Забавно. Это действительно больше похоже на то, что ты встречалась с будущим студентом медицинской школы, чем с Андерсом, не так ли?"

"Да". Джессика доела свой сэндвич, посмотрела на хлебцы, затем покачала головой. "Ты снова выиграла конкурс по поеданию. Я хочу оставить место для кекса — или двух".

То, как Джессика заговорила об Андерсе, расслабило Стефани. Она ожидала негодования или — ужас! — слез, но этот спокойный, даже расчетливый ответ успокоил ее.

"Андерс так не считает", - продолжила Стефани. "Он на самом деле поймал меня и попросил озвучить тебе идею, которая пришла ему в голову. Я обещала, что сделаю это, если ты не возражаешь?"

"Продолжай, но я скажу тебе прямо сейчас, я не собираюсь принимать обручальное кольцо и ждать, пока он закончит колледж и вернется".

"О, дело не в этом". Стефани быстро обрисовала план Андерса взять Джессику с собой в Урако.

Джессика нахмурилась. "О, так вот почему он продолжает рассказывать интересные вещи об Урако. Он пытается заинтересовать меня заранее".

Стефани кивнула. "Он даже поговорил со своей матерью. Он думает, что она могла бы обеспечить тебе стипендию для окончания школы, даже для поступления в медицинский институт. Ты хочешь, чтобы я сказала ему, что это не сработает, или ты сама скажешь?"

Джессика пристально смотрела на Стефани. Ее зеленовато-карие глаза становились все шире и шире по мере того, как Стефани подробно излагала план Андерса. Теперь она застыла.

“Не сработает? Потому что это побудило бы его обеспечить стипендию, без уверенности, что я хочу быть с ним?”

Стефани почувствовала, как ее сердце учащенно забилося. О-о-о.

“Не сработает из-за Храбреца. Ты не можешь ни оставить его, ни забрать с собой. На данный момент, я думаю, самое большее, куда может отправиться любой из нас, принятых, - это куда-нибудь внутри системы. Может быть, позже мы сможем отправиться за пределы системы, но, даже если на Урако тебе разрешат привезти туда Храбреца - а мама Андерса не думает, что это возможно, — маловероятно, что Звездное Королевство разрешит вывозить котов, не сейчас, не тогда, когда их статус настолько неопределен.”

Она продолжала говорить, хотя и видела, что слезы наполнили глаза Джессики, а затем потекли по ее щекам. Храбрец прыгнул со своего насеста и подбежал к ней, издавая тихие встревоженные звуки, похожие на те, которые Стефани слышала от древесных кошек, успокаивающих своих совсем крошечных котят. На какой-то ужасный момент Стефани подумала, что Джессика может оттолкнуть его, но их связь была сильной. Джессика раскрыла объятия и прижала Храбреца к себе, плача в его густую мягкую шерсть, пока он гладил ее той из своих настоящих рук, которую смог освободить.

В конце концов, Джессика выдавила: “Он спас меня. Я была бы мертва без него. Но я никогда не просила об этом. Я никогда не просила, чтобы моя жизнь проходила в тюрьме. Но...”

Она снова начала рыдать. Чтобы дать ей время, Стефани встала и поставила чайник, чтобы, как шутливо сказал бы ее отец, “выпить чашечку хорошего чая”. Она со стуком ставила чашки на поднос, когда услышала, что Джессика сказала, голосом, приглушенным толстой шубкой Храбреца:

“Я думаю, то, что я чувствую к Храбрецу, должно быть, настоящая любовь, потому что, хотя я могла бы оставить Андерса в мгновение ока, я никогда, никогда, никогда не смогла бы оставить Храбреца. И я бы не хотела”. Джессика рассмеялась забавным сдавленным смехом. “Добавь это к списку вещей, которые Великому Заговору Древесных Котов нужно будет выяснить — как объяснить, почему мы не можем путешествовать друг без друга, не выдавая секрет котов раньше времени”.

Стефани поняла. Однажды она уже сталкивалась с этой проблемой, но тогда это было внутренним делом СЛС. “Андерсу будет тяжело объяснить, потому что мы не можем рассказать ему все подробности о связи. Мы просто не можем рисковать тем, что доктор Уиттакер узнает об этом и опубликует то, что он наверняка сочтет важной научной информацией”.

“Бедный Андерс”, - выдавила Джессика между всхлипами и хихиканьем. “Я постараюсь найти способ мягко сообщить ему об этом. Я думаю, мне лучше просто сказать ему, что он не настолько важен для меня, как я для него, и оставить Храбреца в покое.”

“Да, сказала Стефани, - наверное, так будет лучше, но Андерс умен. Он будет подозревать. Ты знаешь, что он заподозрит”.

\* \* \*

В парке для скиммеров было шумно, как обычно, так что Карлу пришлось слегка повысить голос, чтобы его было слышно сквозь музыку, которая сопровождала скрайдеров, когда они преодолевали изгибы и извилины сложной трассы.

Корделия подумала, что это должна быть настоящая какофония. Интересно, как это программируется, потому что независимо от того, сколько скрайдеров, и неважно где они находятся на трассе, этого никогда не слышно.

“Так где же Ди?” Спросил Карл. Его тон был абсолютно спокойным, но под ним чувствовалась сталь.

Корделия, стоявшая в нескольких шагах позади Карла, заметила, что Выживший, примостившийся на подушечках, вделанных в форму СЛС Карла, подергивает хвостом — не всем, а только нижней частью, с единственным кольцом. Она подумала, что если бы младшая сестра Карла, Анастасия, могла видеть реакцию древесного кота, она, возможно, поняла бы настроение своего брата лучше, чем она. Хотя, опять же, возможно, и нет. Стасе было что-то около тринадцати с половиной - возраст, когда многие дети считали себя умнее, чем были на самом деле.

“Ди? Надя?” Сказала Анастасия, оглядываясь по сторонам, как будто только что заметила, что ее старшей сестры нет в парке для скиммеров. “Она, должно быть, где-то здесь. Может быть, она в душевой? На самом деле я не обратила внимания. Знаешь, Надя так хороша на своем скиммере. Мне приходится концентрироваться, чтобы не отставать от нее, когда мы катаемся на скиммере.”

“Хм...” - сказал Карл, нажимая на свой уни-линк. “Я отправлю ей сообщение. Если Ди не будет здесь до того, как мы с Корделией вернемся с замороженным заварным кремом, ей придется выяснить, достаточно ли хорошо она управляется со своим скиммером, чтобы добраться на нем домой, или рассказать родителям, почему она ушла, оставив вас, младших детей, одних.”

Сестра Корделии, Натали, подала голос. “Я почти ровесница Нади, всего на восемь месяцев моложе”.

“Хмм...” - было единственным ответом Карла, когда он направился к киоску в дальнем конце парка, жестом приглашая Корделию присоединиться к нему. Она заметила, что он не перешел на свой обычный размашистый шаг из уважения к ее все еще заживающей лодыжке. Со временем стало легче, но после того, как Корделия так долго была осторожна, иногда ей казалось, что она снова учится ходить — или не столько ходить, сколько верить, что неправильный шаг не вызовет стреляющих болей в ноге.

“А заварной крем нам тоже достанется?” С надеждой крикнула им вслед Анастасия.

“Нет. Ты знала правила, по которым вы с Ди пришли в скиммер-парк. Я не собираюсь вознаграждать за нарушение правил.” Карл улыбнулся в ответ своей младшей сестре, с легким, почти озорным выражением лица. “Кроме того, держу пари, ты уже съела по крайней мере один. У тебя на рубашке пятно.”

Корделия оглянулась через плечо и увидела, что Анастасия оттирает свою рубашку. Однако ее внимание привлекло то, как Натали смотрела им вслед, выражение ее лица было настороженным и задумчивым.

Нат что-то знает, но она не хочет выдавать свою новую подругу. Позже, если это важно, я поднажму, но сейчас.....

Когда младшие девочки не могли видеть его лица, Карл позволил своему раздражению отразиться на нем. “Ди становится проблемой. Ей сейчас пятнадцать, и она сходит с ума по мальчикам. Наверное, включаются гормоны или что-то в этом роде. В том же возрасте Стефани

тоже сходила с ума по Андерсу. И Суми..."

Он резко замолчал, поэтому Корделия вмешалась, прежде чем ситуация стала неловкой.

"Кто этот парень, от которого Ди без ума?"

Карл нахмурился еще сильнее. "Я не знаю. Это меня немного беспокоит. У нее и раньше были увлечения. Обычно мы могли сказать, кто был счастливым, потому что его имя всплывало в каждом втором предложении. Конечно, большинство из них были 'безопасными' возлюбленными — актерами или звездами музыки, а не реальными людьми. Но пару раз, когда какой-нибудь "реальный" человек попадался Ди на глаза, нас не держали в неведении".

"Какой-то определенный типаж?" Спросила Корделия. "Я имею в виду, Мак всегда влюбляется в один и тот же тип: высокие, темноволосые и красивые. Он, вероятно, сразу же запал бы на тебя".

"Извини, - усмехнулся Карл, - он не в моем вкусе. Приятный парень и все такое, но...Какой типаж Ди? По крайней мере, на несколько лет старше ее. Ей нужен вызов — может, у него уже есть девушка или что-то в этом роде. Отдает предпочтение утонченному типу, а не типичному пятнадцатилетнему подростку."

"Что, вероятно, объясняет, почему ей нравятся парни постарше", - сказала Корделия. "Она, по крайней мере, может представить, что они утонченные. Ты можешь поговорить с Ди? Как старший брат?"

"Нет, если она заинтересована в ком-то, кого, по ее мнению, я бы не одобрил, - сказал Карл, - или если она по уши влюблена. Однажды я попытался прощупать, и она просто огрызнулась на меня: "Да что ты знаешь? Когда ты был в моем возрасте, вы были практически помолвлены!"

Он замолчал, как будто сказал слишком много, затем явно заставил себя продолжить. "Это была ситуация, не сильно отличающаяся от вашей с мальчиками Кемпер. Семья Сумико и наша были близки. Она переехала жить к нам после того, как они умерли во время чумы. Ровесница. Она решила, что мы созданы друг для друга. Я был, ну, собой. Для меня это значило совсем другое. Я имею в виду, она мне нравилась, я даже любил ее, но когда она начала настаивать на том, чтобы мы обручились молодыми, даже намекнула на то, что мы поженимся до окончания колледжа, я отказался."

"И..." Корделия обратила внимание на прошедшее время. Она не могла вспомнить, чтобы кто-нибудь упоминал Сумико, а в последнее время она проводила много времени с Зивониками.

"Она погибла. Несчастный случай. Долгое время я винил себя. В последнее время я пытался простить себя, но..." Он пожал плечами.

Они подошли к прилавку с замороженным заварным кремом. Выбор вкусов и размеров давал передышку. Корделия заметила, как Выживший уткнулся носом в щеку Карла, издавая громкое, вибрирующее мурлыканье, которое было таким странно успокаивающим. Карл заметно расслабился, тень, которая сгустилась над ним, когда он говорил о Сумико, исчезла.

Корделия вспомнила, что Стефани сказала о связи Карла и Выжившего: "Я до сих пор не знаю, что их так свело, но что бы их ни связывало, эта связь была потрясением для них обоих".

Бьюсь об заклад, Стефани прекрасно знала, что свело их вместе. Имя, которое Карл дал Выжившему, говорит само за себя: они оба пережили огромное горе и потерю. И я готова

поспорить на что угодно, что в довершение всего у них обоих была изрядная доля вины выжившего. Карл признал это, и кто сказал, что древесный кот не способен чувствовать что-то подобное? Может быть, они даже чувствуют это сильнее. Если они могут чувствовать эмоции других людей, они должно быть способны чувствовать, когда те, с кем они близки, больны или страдают от голода.

Но Стефани не могла объяснить, не рассказав о прошлом Карла, и даже если они подружки, она не собирается злоупотреблять этим доверием. В ней есть много такого, что может понравиться. И в Карле тоже...

Корделия подумала, какое облегчение она испытала, когда на следующий день после непрошеного визита Фрэнка Камары Карл "просто случайно" появился снова. И он продолжал появляться. У него всегда был отличный предлог: патрулировать местность в этом районе; узнать мнение ее и Натали о каком-то деле Исследователей СЛС; предложить подвезти Натали после какого-то мероприятия, на котором она была с одной или обеими его сестрами; принести угощение, которое могло понравиться Атосу, или запасную кошачью подстилку, или свитер, или, как сегодня, предложить им вместе заехать за девочками.

Если бы они жили в одном районе, это могло бы показаться совершенно нормальным, но семья Карла жила далеко отсюда, недалеко от Гремящей Реки, в то время как владения Шардт-Кордовы находились практически в противоположном направлении, по другую сторону Твин Форкс. Возможно, как рейнджер Карл привык пересекать километры, и расстояние для него не имело значения, но Корделия не могла не задаться вопросом.

Происходит ли что-то большее, чем просто защита, или это происходит потому, что мы оба новые участники очень эксклюзивного Заговора Древесных Котов?

Она не знала, думать о том, что Карлу, возможно, она нравится. В отличие от Ди, она никогда не была без ума от парней. Или от девушек. Она иногда ходила на свидания, но романтика просто не была ее коньком.

Может быть, я переболела романтикой после всех влюбленностей Мака? Он всегда был либо на седьмом небе от счастья, либо в подавленном настроении. Влюбленность из-за этого не казалась таким уж веселым занятием.

Карл протянул ей замороженный заварной крем с шоколадом и мятой, выложенный в вафельный рожок. "Может, пойдем обратно? Мой уни-линк звонил, Ди вернулась. Она говорит, что была в дамской комнате с расстройством желудка, и благодарит меня за беспокойство. Язвительно. С соответствующими смайликами."

"Ты же не собираешься спрашивать ее, где она была, не так ли?"

"Нет. Я же полный кретин." Он приподнял свой крем, чтобы Выживший мог его понюхать, затем опустил, развернул. "Но я не забуду. Обещаю тебе. Я не забуду."

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/80705/2472505>